

18+

КОНСТАНТИН ШАХМАТСКИЙ

раскольники

Константин Шахматский

Раскольники

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=53661619

ISBN 9785449862815

Аннотация

Российская Империя, 1854 год. Чиновник особых поручений при канцелярии Вятского губернатора Михаил Салтыков расследует дело сарапульских старообрядцев, подозреваемых в шпионаже в пользу враждебных государств Турции и Австро-Венгрии. Не жалея сил, сыщик стремится завершить порученное ему дело, дабы заслужить прощение Государя Императора и освободиться из ненавистой ссылки.

Содержание

РАСКОЛЬНИКИ	5
глава первая	6
конец сентября 1854 года. кабинет управляющего III Отделением Дубельта	6
Октябрь 1854 года. Вятка	10
Москва. Рогожский участок полиции	24
Вятка. Кабинет Губернатора	30
Кабинет управляющего III Отделением Дубельта	38
Глава вторая	43
Конец октября 1854 года. Уездный город Сарапул	43
Санкт-Петербург. В министерских приемных	60
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Раскольники

Константин Шахматский

© Константин Шахматский, 2020

ISBN 978-5-4498-6281-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

РАСКОЛЬНИКИ

*из серии «Другая жизнь
писателя Салтыкова»*

глава первая

конец сентября 1854 года. кабинет управляющего III Отделением Дубельта

– Поздно уже, голубчик, – проворчал генерал-лейтенант, – Ужели срочно так?

– Да, Ваше превосходительство, – согнулся в три погибели адъютант, – Чрезвычайные обстоятельства. Курьера нашего, с секретным грузом, нашли убитым на Рогожском кладбище.

– Когда?! – приподнял голову генерал.

– Второго дня, утром.

– А груз?

– Исчез.

Леонтий Васильевич протер глаза и протяжно зевнул. Почтенный возраст давал о себе знать. Раньше от такого известия сон как рукой сняло. Теперь же без чашечки кофиа не обойтись.

– Поставь-ка, брат, чайничек, – тихо проговорил Дубельт.

Поднявшись с кушетки, Его превосходительство перешел к рабочему столу и тяжело опустился в роскошное кресло с орлами. Стрелки часов, стоявших перед ним, показывали

четверть первого.

– И долго я спал, Владимир Андреевич?

– Часа два. Как от патриарха Филарета вернулись, так и сморило вас, – отвечал подполковник.

– Да черт меня дернул церковного винца пригубить. Да и Его Святейшество – тоже хорош, – наклюкался в зюю.

– Ну и как? Вопросик уладили?

– Да, слава Богу.

– А вот и чайничек.

Владиславлев поставил на краешек стола серебряный поднос с приборами.

– Позвольте?

Налив начальнику штаба кофию, адъютант присел на стул рядышком. Леонтий Васильевич взял двумя пальцами горячую чашку, подул в нее, и сделал первый осторожный глоток.

– Сагтынский знает? Он у нас агентами командует.

– Да.

– А кто еще, кроме московской полиции, в курсе?

– Никто, пожалуй. Агент без документов был.

– Х-м, откуда, вообще, известие? Операция секретная.

– Трактирщик с Московской дороги донес. Подозрительные личности расплачивались золотыми дукатами.

Дубельт поморщился:

– Значит, сами разбойники не знали, кого грабили. Наугад действовали. Это хорошо.

– Возможно, Ваше превосходительство.

Адъютант Владиславлев старался не иметь своего мнения, и за долгие года службы научился угадывать настроение хозяина.

Леонтий Васильевич сделал еще глоток.

– Мы трех курьеров отправляли. Как другие двое, от них есть известия?

– Да. Секретные наблюдатели докладывали о прохождении ими контрольных пунктов.

– Отлично, отлично, – промурлыкал Дубельт, – Значит все в порядке, скоро сами отпрапортуются.

– Да, до границы путь не близкий.

Генерал поставил чашку на стол.

– Эх! А все Мейендорф виноват! Вот не заартачился бы, дипломатической почтой дукаты отправили... И не стали бы такую грандиозную операцию городить: из Петербурга в Москву, к старообрядцам; из Москвы в Австро-Венгрию.

– Да... уж, – вставил адъютант, – маршруты весьма громоздкие.

– И не говори, голубчик. Такие неприятности. Наш-то Государь в Восточном вопросе непреклонен, что поделаешь.

Генерал покрутил пальцем у виска.

– Но, ничего. Сдается мне, поменяет Государь посланника. Назначит кого посговорчивей.

– Кого же?

Его превосходительство фыркнул:

– Горчакова, разумеется. Он давно в Германском супчи-

ке варится. Сейчас в Вене посольством командует, обеими руками за сердечную дружбу с Австрийской империей. Отличная ширма.

– Согласится ли?

– А куда он денется! – усмехнулся Леонтий Васильевич.

Старый жандарм окинул довольным взором бесчисленные полки с толстенными фолиантами. В его обширном архиве были дела на каждого.

– Да, – спохватился Дубельт, – И передайте Сагтынскому: пусть отправит кого в первопрестольную. Пусть узнает подробности.

Октябрь 1854 года. Вятка

– Наконец-то я дома! – выкрикнул Салтыков, ступая в гостиную, – Платон, ну где мои вещи?!

Согнувшись под тяжестью чемоданов, в комнате появился слуга: еще крепкий старик с кудрявой и седой шевелюрой, аккуратно подстриженными бакенбардами.

– А где второй бездельник? Гришка где?

– Не знаю. Три дня уж нет его.

– Запил, подлая натура? – чиновник расстегнул пальто.

Старик неопределенно хмыкнул:

– Может и запил. Караулить мне его, что ли...

– Ну-ну, давай скорее, – скомандовал барин и плюхнулся на маленький диван у стены, – Совсем обессилел, старый хрыч! Али спал весь день, каналья? Не ждал хозяина-то?

– Ждал – ждал, – с готовностью отвечал Платон.

– То я не вижу, – усмехнулся Салтыков, разматывая кашне, – Лучше печь затопи, холодно здесь! И вина дай, замерз я в дороге... Живо!

Старик поставил чемоданы посередь комнаты и зашаркал в кухню. Через минуту возвратился с графинчиком и рюмочкой на подносе.

– Пожалуйста, Михал Евграфыч.

Барин замахнул первую рюмку и налил вторую.

– Ну, как тут без меня? Приходил кто, почта была ли?

– И пошта была и письмо, – затараторил Платон, принявшись стаскивать с хозяина сапоги, – Второго дня Тиховидов приходил. Спрашивал, не оставляли ли вы для него денег за проигранную партию.

– А ты что? – изумился Салтыков.

– Так я и сказывал, как велено было, что вас еще нету, не приехали.

– Правильно сказывал, молодец, – кивал Михаил, – А еще?

– Ну, ...барышня была. Тоже вас спрашивала.

– Какая барышня?

– Почем я знаю.

– Фамилию сказывала? Да по какому делу?

– Сказывала, но разве ж я запомню. Помню только, что вся из себя, фифа.

– Дурак ты старый. Хоть бы записал.

Платон закончил разувать хозяина, и тот с удовольствием взгромоздил ноги на подставленную банкетку.

– Ладно, хватит. Дай мне письмо и в кухню ступай, приготовь чего-нибудь.

Михаил держал перед собою конверт, медля, однако, с прочтением. Так он устал от командировки, что сил нет...

И эта проклятая поездка через Разбойный бор по пути из Глазова, жуткого и промозглого городишки! До того жуткого, что не описать. А еще кучер, будь он не ладен. Мало того, что замешкал с лошадьми, отчего пришлось ехать ночью,

так весь перегон потчевал байками о разбойниках, коими наполнены были здешние места издревле. И что самое страшное, – утверждал пройдоха, – большинство лихоимцев этих из местных, значит, из крестьян! И что ты говоришь? – отзывался Салтыков, стараясь не выдавать страха. Да, вашвысбродь! – настаивал кучер, – И днем можно запросто любого из них в какой-нибудь деревне встретить. Да он еще и поздоровается с тобою, ежели навеселе: Здравсьте, мол, Емельян Макарыч, наше вам с кисточкой! Ну а ежели в лесу встретишь, да еще ночью: и глазом не моргнет, – ножом по горлу, аль дубиной по башке. Вот как! Интересно! – восклицал Салтыков, – И почему же их не арестовывают, ежели каждого в лицо знают? Ямщик усмехался и отвечал с издевкою: Так жить-то, всем хочется! Ну да, ну да, – вслух размышлял Салтыков, – Коль по-твоему рассуждать, то дорога, – она всегда прокормит. Денежку наскреб, глядишь, и до следующей весны дотянул. Верно! – кивал ямщик, – Взять, хочь, меня. Не от хорошей жизни на вольных поштах промышляю.¹

Мужик замолчал, то ли выглядывая в полутьмах дорогу, то ли размышляя, не сболтнул ли чего лишнего. Мимо пролетали прямые, как корабельные мачты, сосны; разлапистые ели раскачивали на ветру пушистые ветви.

– А вы обратили внимание, вашвысбродь, как в наших краях дорога ухожена? – снова говорил мужик. Обратил, – отвечал Салтыков, смущаясь. То-то и оно! Наши двадцать

¹ Коммерческое учреждение, альтернативное казенным почтовым службам.

верст всегда в порядке. Мы всей деревней ходим, повинность отрабатываем. Что мужики, что бабы, что дети малые: колышки вбиваем, отводы для воды окапываем, настил, где надо, подновляем – все честь по чести. Не хочешь ли ты сказать, – усмехался под шубой чиновник, – что по своей воле ходите, ...и никто вас палкою не гонит? Нет, – на чистом глазу отвечал ямщик, – не в жизнь такого не было! Ну-ну, – думал тогда Салтыков, – те же самые разбойники, наверное, и гонят, чтобы проезжих заманивать.

Естественно, его высокоблагородие не верил ни единому слову извозчика.

Когда в комнатах стало тепло, Салтыков наконец-то разделся. Конечно, пурпурного цвета халат с заплатами на локтях и синие брюки с лампасами выглядели не *comme il faut*, однако в них Михаил чувствовал себя комфортно и по-домашнему.²

Теперь он ласково произнес, обращаясь к нерасторопному камердинеру:

– Ладно, старый хрыч. Поди-ка сюда. Что я тебе привез.

– Что? – выглянул из кухни слуга (Михаил Евграфович не часто баловал его подарками).

Барин достал из чемодана маленькую коробочку и протянул мажордому:

– На-ка вот, глянь!

Платон осторожно принял из рук хозяина жестяную ко-

² В соответствии с приличиями (фр).

робку и принялся открывать ее дрожащими пальцами. Кое-как управившись с крышкой, слуга обнаружил внутри швейную иглу, и в его слезящихся стариковских глазах застыл немой вопрос: мол, что это? и зачем?

– Аглицкая, – пояснил Салтыков.

Платон фыркнул, раздосадованный.

– Глянь, какое у нее ушко широкое, – продолжал распи-сывать Михаил, – Это для того, чтобы ты своими незрячи-ми глазищами мог без труда вдеть в нее нитку. Да и сама иг-ла, обрати внимание, не прямая, а специально так изогнута. И сей изгиб назначен для того, чтобы твои дырявые пальцы ее держать могли, а не роняли бы на пол, чтобы по два часа искать... Понял?

– И на что она? – выдавил Платон.

– Будешь мне исподнее штопать, вот что! На новое белье сейчас денег нет. Я вон, давеча, так перед одною мамзелькою опозорился, что вспоминать совестно!

– Как это? – хмыкнул старик, – Где?

– Да, – махнул рукою чиновник, – в одной гостинице. Там, в Глазове еще. Брюки, представляешь, снял, гляжу, а на ко-ленке-то – дырка! Благо, темно было, одна свеча над кроват-ью и горела.

– Так может и не заметила барышня? – хихикнул Платон.

– Может, – согласился чиновник, – Неудобно ей было мое исподнее разглядывать. Не по той, собственно, надобности, зашедши.

Хозяин и слуга посмеялись недолго, после чего Салтыков погнал старика обратно в кухню, напоминая об ужине:

– Тебе лишь бы языком чесать!

Интересно, – размышлял чиновник, пока камердинер убирал со стола остатки курицы, – что за барышня приходила? Ежели фифа, как говорил Платон, то он только одну такую знает, Катеньку. Хотя, то могла быть вовсе и не Катя, а Маша, к примеру.

Тот час мысли чиновника побежали в известном направлении. Все молодые и неженатые люди, тем паче вынужденные вести одинокий образ жизни, частенько забредают в те недалекие дебри, а бывает, и по несколько раз на дню, стоит лишь узреть в фарватере особу женскага полу. И настолько это направление заманчиво и привлекательно, что ежели вовремя не пресечь его, то и опомниться не успеешь, как через минуту другую заплутал, запутался, отдался на волю сладостным фантазиям...

Салтыков, подвязал распутившийся халат, прихватил графин вина, и с ногами плюхнулся на застеленную одеялом скрипучую кровать, – читать письмо.

Письмо было от маменьки. Писала она, что летом непременно будет ждать Михаила, в отпуск; жаловалась, что давно не получала известий от его брата Ильи; опять просила повлиять на остальных детей в разделении наследства; и так далее. В общем – скука.

На следующее утро, прибыв в правление что-то около 10-ти, Салтыков сел писать рапорт о проделанной ревизии в Глазове. Прочие рапорты он отправлял почтою, только лишь последним был вынужден задержаться. Поэтому писал нынче.

Ситуация складывалась не из легких: получалось так, что в уездном городе Глазове воровали все, кроме, пожалуй, городничего Виктора Фелициановича. Все, от исправника Ергина до начальника инвалидной команды Диденко или винного пристава Щетенева. И все свои изыскания чиновник теперь истово выкладывал на бумагу, никого не жалея, не задумываясь о последствиях.

Где-то посередине его прервали. В кабинет ворвался коллежский Лапников и со сбившимся придыханием сообщил некую новость, ибо знал, что она покажется Михаилу интересной. Чиновники, можно сказать, дружили, а иногда засиживались за картами, поэтому о причинах многих терзаний советника губернатора коллежский ассессор был прекрасно осведомлен.

– Ты знаешь, – сходу выпалил он, – некий господин Пащенко назначен к нам управляющим палатой имуществ! Сам он здесь еще не появлялся, но достоверно известно, что карьере начинал в Петербурге. Как и ты. И вообще, наши поговаривают, что сей господин имеет отношение к...

Лапников осекся.

– Нужели? – оторвался от рапорта Салтыков, – И как звать

этого Пашенко?

– Константин Львович.

Салтыков покачал головой:

– Н-н-нет, не знаком... Но, ты-то откуда знаешь?

– Так все говорят... – развел руками проныра.

– Ах, да! – кивнул Михаил, продолжая работу, – Ладно.

Сейчас некогда мне. Рапорт, вот, закончу, и сам к тебе зайду.

Тогда и поговорим.

– Точно зайдешь?

– Точно-точно. А сейчас поди, ...поди прочь. Не мешай.

Лапников вышел, а Салтыков на секунду задумался: Чиновник из Петербурга – значит есть общие знакомые. Если есть знакомые, значит могут дать рекомендации. Но что означает это двусмысленное «имеет отношение к»? Уж не масон ли? В любом случае, надобно самому расспросить Драверта и срочно писать в Петербург брату Дмитрию, – может он знает? Да, и сегодня же вечером – в клуб.

Вечером Салтыков отдыхал в благородном собрании на улице Спасской. Отдыхали, по обыкновению, за картами. Компания для игры подобралась подходящая: все тот же учитель гимназии Тиховидов, вожделевший партии накануне, сослуживцы Драверт и Федосеев...

Допивали последнюю мадейру из старых запасов клуба, а Тиховидов беспрестанно повторял, сокрушаясь прекращением поставок оной продукции:

– Вот, ведь, господа, какая напасть приключилась с этими заграничными виноградниками!

– Да что за напасть? – спрашивали его.

– А мучнистая роса! И ведь ничем ее, заразу, не выведешь.

– Так надобно купоросом ее, купоросом! – советовал кто-то.

– Нет уж, дудки! – не соглашался учитель, – Только серой, господа, исключительно серой!

– Тиховидов, – говорили ему, – Ну вам-то, голубчик, что с того. Ну, закончится мадера, – перейдем к хересу!

– Подумаешь, – кричал Тиховидов, – я и сейчас могу... перейти!

Игра, вопреки ожиданиям, не пошла. Поэтому Салтыков воспользовался первой же возможностью и увлек Драверта в угол, учиняя допрос.

– Я слышал, вам нового начальника назначили?

Станислав Иванович Драверт, правитель канцелярии, утвердительно кивнул:

– Да, ждем со дня на день.

Салтыков ухватил Драветра за верхнюю пуговицу:

– Ты мне про этого Пащенко расскажи. Что за человек, не знаешь ли?

– Да практически ничего. Знаем только, что лет десять назад значился управляющим палатой в Пензе. Но что-то там плохо кончилось и его перевели в Министерство без содержания.

– Н-да, маловато, – отступил Михаил.

– А тебе что? – Драверт поправил пуговицу, – У тебя, кажется, и без того, полно связей в Петербурге.

– Шутишь?! Моим связям теперь грош цена. Да и кому я нужен, кроме собственной матушки.

Станислав Иванович виновато потупился.

– Извини... Не хотел...

– Все прошлое, – фыркнул Салтыков, – Новые связи налаживать надо. А что, ежели Пашенко этот, приличным человеком окажется? Еще одно знакомство не помешает. Верно я говорю?

– Скоро увидим! – воскликнул с готовностью Драверт, – Как появится, я тебя сразу представлю, мне не трудно.

– Будь так любезен, – сквозь зубы процедил Салтыков.

Теперь уже Станислав Иванович ухватил младшего товарища за руку и поволок к выходу:

– Лучше пойдем ко мне, отужинаем. Игры все равно нет, а моя Анелла гуся обещала запечь.

Салтыков, поколебавшись для виду и пожаловавшись, что ему никак нельзя жирного, согласился. В гардеробе, насилу отбившись от пьяницы Тиховидова, господа оделись и вышли на улицу.

– Ну и погодка нынче, – поежился Драверт, – Слякоть одна.

– Гадкая погодка, – соглашался Салтыков, ища глазами извозчика.

– Пора тебе, брат, менять своего калабреза на что-нибудь подходящее, – усмехнулся Драверт, глядя как Салтыков натягивает шляпу по самые уши.³

– А тебе свой картуз на вату подбить, – парировал Михаил.

Всю дорогу правитель канцелярии расспрашивал Салтыкова о прошедшей командировке. Потом читал собственное стихотворение и требовал от Михаила компетентного мнения. Потом допытывал, не написал ли он сам чего-нибудь новенького. Салтыков отвечал нехотя, через силу – зачастую Драверт был так невыносим, хоть плачь. В конце-концов коллежский асессор отделался отговоркою, что в последнее время не писал ничего стоящего, акромья донесений о вороватых исправниках.

– Да и вообще, пошло оно к черту, это писательство! – вконец разозлился Салтыков, – Никогда в жизни не притронусь боле к перу и чернилам, ежели не касается сие обязанностей по службе. Слышишь, брат, – никогда в жизни! Помяни мое слово!

– Как скажешь, Миша, – соглашался Станислав Иванович, похлопывая приятеля по плечу, – Сейчас приедем домой, покушаем, домашнего ликеру выпьем... Кстати, ты ликер любишь? Моя Анелла прекрасно готовит вишневый с косточками.

– Нет.

³ Калабрез – шляпа с высокой сужающейся тульей

Вскоре, как Драверт и обещал, Салтыков был представлен новому управляющему палатой, и в тот же вечер приглашен к нему на обед. Ох уж эта странная вятская традиция обедать по вечерам!

Предположения чиновника оправдались: у них с Пашенко оказалось много общего, и существенная разница в возрасте не помешала общению. Мало того, жена Константина Львовича, – Мария Дмитриевна, – в молодые годы блистала в Александринском. Салтыков даже потрафил ей, сказавши, что кажется, видел ее в роли Финеллы.

– Да как вы можете помнить? – кокетничала Мария Дмитриевна, – Вы в то время, должно быть, совсем еще были дитя!

– Прекрасно помню! – отвечал, смеясь, Салтыков.

На самом деле, чтобы не прослыть невеждой, ему срочно пришлось вспоминать кое-что из либретто и пересказывать даме, ведь оперы Салтыков, к собственному стыду, не видал.

Ну а сам Пашенко имел то же пагубное пристрастие, что и его молодой коллега. Сразу после обеда приятели сели в вист. Салтыков сходу проиграл Константину Львовичу несколько партий и господам подали кофий. Тут же выяснилась и еще одна интересная подробность. Управляющий рассказал, как год назад разоблачал в Ярославской губернии секту раскольников и героически завершил дознание. В ответ Салтыков поделился некоторыми деталями своего нынешнего расследования по делу старообрядца Елчугина,

и господа чиновники окончательно сблизилась.

После третьей проигранной партии, Салтыков, как бы в шутку спросил:

– А нельзя ли, дражайший Константин Львович, устроить мой перевод в ваш департамент?

– А чем же вам свой не по нраву? – так же в шутку отвечал Пашенко.

– Да слишком уж хлопотно.

– Думаете, у нас по-другому будет?

– Нет, не думаю. Но по вашей линии у меня появится больше возможностей.

– Не знаю, не знаю, – качал головою Пашенко, – Ничего конкретного обещать не могу.

Салтыков приуныл: старый хрыч ломал его планы. Но Константин Львович, желая подсластить пилюлю, вымолвил:

– Ваше стремление похвально, ежели продиктовано благими намерениями. Я вот, к примеру, имею желание многое поменять в здешнем распорядке, потому как перед отъездом имел беседу с самим министром...

Салтыков вздохнул:

– Советуете и мне заняться тем же? Ну-у-у, я могу, конечно. Отчего бы и нет. Прикажете гербовые пуговицы на мундирах обратно поменять?! Извольте, перешьем!

Внимательно посмотрев на поникшего Салтыкова, Константин Львович сказал:

– Давайте-ка, Миша, вернемся к этому разговору несколько позже. Я осмотрюсь, освоюсь. Войду, так сказать, в должность....

– Непременно, – отвечал Салтыков, – Еще партию?

– А давайте! – махнул рукою Пашенко.

Дальнейшие партии выигрывал исключительно Салтыков, удовлетворенно побрякивая и, всякий раз, требуя реваншу.

Москва. Рогожский участок полиции

– Вот он, ваш покойничек, – сторож ткнул пальцем в лежащий на полу труп.

– Точно он?

Чиновник особых поручений Аверкиев неприязненно поморщился. Он не любил трупы. Даже побаивался.

– И что, он вот так неделю и лежит, на полу?

– Восьмой день, – уточнил штафирка, поднимая лампу повыше, – Водичкой холодненькой окатываем время от времени, и ничего, не жалуется.

Подобный цинизм от видавшего виды служителя был вполне объясним. Человечек склонился над мертвым телом и сунул лампу ему в лицо. Аверкиев утвердительно кивнул, давая понять, что осмотр закончен. Отступив в сторону, спросил провожатого:

– Никто, значит, не приходил за ним, не справлялся насчет личности?

– Нет. Кому он, бродяга, нужен. Документов при нем не было, – мужичок почесал под мышкой, потом закашлялся, – Его же сначала в Лефортово хотели везти, но там занято. Пришлось к нам в часть отправлять, для выяснения. Потом ждали дохтура...

Аверкиев, недослушав объяснений смотрителя, замахал перчаткою, дескать, пора бы наружу. Выскользнув с завид-

ным проворством на улицу, коллежский асессор радостно глотнул свежего воздуха.

– У-уф!

Следом из подвала покойницкой поднялся и сам мужичок, в стеганой душегрейке поверх непонятого цвета рубище и подшитых валенках. Нагло уставившись на чиновника, протянул раскрытую ладонь.

– Значит, вскрытие уже делали? – спросил Аверкиев, не обращая внимания на понятный жест.

– Огнестрельное ранение в голову. Остальное в целости, – досадливо выдохнул человек, – Что зря полосовать, и так ясно: пульнули в затылок, и вся любовь. Дохтур с ним, конечно, повозился, но что он там колдовал, мне не ведомо.

– Из револьвера стреляли?

– Может из револьвера. Пулю-то не нашли. Навылет прошла.

– Понятно, – хмыкнул чиновник, – И кроме одежды никаких предметов при нем не было?

– Этот вопрос не ко мне, ваша милость. Ко мне покойнички налегке попадают. Не обремененные, так сказать, излишним имуществом.

– Понятно, – повторил чиновник.

– Вот полежит еще недельку, схороним за казенный счет.

А так...

Аверкиев достал из кармана монетку и сунул сторожу.

– Благодарствую, – пробормотал маленький человек, раз-

глядывая медный гривенник, – А ведь с ним ведь еще одного старообрядца привозили, для допроса. Весь день держали, вечером только выпустили.

– Вот как?!

– Да-а. На извозчике уехал. Бородатый, как черт. А во рту зуб из золота.

– И как же ты впотьмах золото разглядел?

– Ругался он сильно, матом кричал.

– Старообрядец? ругался?

– Я таких слов и не слыхивал, – утвердительно закивал мужичок.

– Пристав допрашивал?

– Разумеется.

Квартира пристава располагалась здесь же: на территории полицейского участка в главном здании. Поднимаясь по деревянной лестнице, Аверкиев вспомнил, что никаких документов, подтверждающих его полномочия, предъявить блюстителю закона не сможет. И как поступить? – думал чиновник, – Пристав меня самого в кутузку засадит. Спросит, кто таков? и по какому делу? а я, что? Да, все-таки работать на два департамента, дело неблагодарное. Да и опасное – тоже. Двойных агентов никто не жалует. Хотя и без них никуда. Одно хорошо: в жандармерии деньгами снабжают за хлопоты. В родном-то Министерстве внутренних дел не озолотишься.

Аверкиев постучал. Не дождавшись ответа, толкнул скри-

пучую, обитую конопляной дерюжкой дверь. Пристав, в накинутае поверху белой рубашки кителе, заканчивал убирать со стола нехитрую снедь. Совершенно очевидно, что Аверкиев помешал ему с ужином.

– Разрешите, ваше благородие?

– Чем обязан? – штабс-капитан задвинул под стол почти пустую бутылку и провел пальцами по лихо закрученным кверху усикам.

– Пропавшего брата ищут, – выдал первое, что пришло в голову, Аверкиев, – Неделю назад как исчез. У вас, как я слышал, неопознанный труп имеется? Без документов, с Рогожского кладбища привезен?

Пристав хмыкнул, что-то припоминая, и полез в шкаф за бумагами, оставив посетителя один на один с лежащей на столе полураскрытой кобурой. Бывалый вояка Аверкиев сразу распознал внутри новехонький револьвер Нэви, фирмы Кольта, аглицкой сборки, кстати. И откуда он у дурака? – подумал Аверкиев, – подарил кто?

Из-за отворенной дверки со шторкою, тут же донеслось:

– Вашему, извиняюсь, брату, сколько лет было?

– Тридцать пять.

– Понятно. А росту?

– Два аршина восемь вершков.

– Одет?

– Креповое пальто, шерстяные брюки, ...ботинки.

– Так-так-так, – деловито пролопотал пристав, появляясь

с раскрытой папкою, – Вот он, голубчик. Смертельное ранение в голову. Особые приметы у вашего брата имеются?

Аверкиев задумался. Забирать из участка труп и брать на себя соответствующие хлопоты не входило в его полномочия. Всего-то и нужно – узнать от полиции насколько те продвинулись в розысках, и не раскопали ли чего лишнего. Надо опять что-то выдумывать.

Пристав, уставившись на посетителя, ждал ответа на свой вопрос.

– Переломы, травмы в детстве были? Татуировки в неположенных местах?

– Да! – подхватил Аверкиев, – Татуировка в виде черепа!

– Где?

– Здесь! – Аверкиев ткнул себя пальцем в грудь.

Штабс-капитан внимательно посмотрел на чиновника, потом сверился с актами вскрытия, отрицательно покачал головой.

– Боюсь, не ваш покойничек... К сожалению.

Аверкиев облегченно выдохнул.

– Не убивайтесь вы так, – посочувствовал пристав, – найдется обязательно.

Чиновник сделал вид, что собирается плакать. Надулся, покраснел лицом, нижняя губа задрожала. Штабс-капитан, придерживая на плече китель, метнулся налить воды.

– Сами-то откуда будете? Служите где? – участливо спрашивал пристав, отпаивая сидящего на стуле Аверкиева.

– В департаменте, – чуть слышно отвечал тот.

Раскрывать инкогнито ему не хотелось, да и нельзя. Отсюда вывод: продолжать комедию.

– И всю жизнь с ним так, сколько помню. То в одни неприятности ввяжется, то в другие. Представляете?

Пристав вместо ответа почесал себя за ухо.

– Один раз связался с жуликами. Поддельные векселя подписывал. Почерк у моего брата каллиграфический, ...был.

Пристав смахнул с плеча посетителя невидимую соринку.

– Теперь вот, как исчезнуть, грезил какими-то пиастрами.

Штабс-капитан, отстранившись от бедолаги, покосился под стол, выясняя, не осталось ли чего в бутылочке.

Аверкиев поставил стакан и резко выпрямился.

– Пойду я, ваше благородие.

Пристав вздрогнул от неожиданности. Потом развел руками и округлил глаза, мол: воля ваша, кто вас держит.

– Побольше бы таких как вы, участливых блюстителей законности, господин штабс-капитан.

– Не стоит благодарностей, – распластался в улыбке служака, подбирая со стола револьвер.

Выйдя на улицу, Аверкиев усмехнулся: пристав, называется. Даже фамилии моей не спросил. И про неопознанный труп, наверняка ничего конкретного не выяснил.

Вятка. Кабинет Губернатора

Появившись в кабинете Наиглавнейшего, Михаил встал в десяти шагах от начальника, склонив голову.

Николай Николаевич Семенов, тучный старик 60-ти лет с холеными бакенбардами, предложил чиновнику сесть. Удивительно, но сие обстоятельство было против обыкновения губернатора держать подчиненных на ногах. Ходил слух, что сию привычку старый пердун приобрел еще со времен своего директорства в Рязанской гимназии.

Салтыков примостился на краешек стула, готовясь внимательно выслушать.

– Вот что, Мишенька, – сказал губернатор, по-отечески обращаясь к чиновнику, – У меня к тебе очень важное дело. И оно, к твоему сведению, не только по линии министерства а, возможно, и выше.

Сказав это, губернатор многозначительно воздел палец кверху и со значением посмотрел на молодого человека.

Николай Николаевич взял со стола папку, аккуратно завязанную тесемочками, и подошел к Михаилу.

– И что за дело, Ваше превосходительство? – осторожно спросил Салтыков.

Семенов поставил рядом стул и грузно сел, широко раздвинув колени.

– Намедни, Сарапульский городничий Фон-Дрейер при-

слал мне рапорт. Вот, тут все, – Николай Николаевич протянул визави папку с документами, – Кроме рапорта здесь еще куча других бумаг. Но ты не торопись, потом прочтешь. Я расскажу тебе суть.

Салтыков кивнул.

– Так слушай, голубчик. Фон-Дрейер опасается, что раскрыл заговор против Государя императора. И местные старообрядцы – главные его участники.

– Заговор?

– Да, – подтвердил губернатор, – Съездил бы ты до Саранска. Разобрался в чем дело. Не слишком я доверяю этому Дрейеру.

– Опять?! – не сдержался Михаил, – Опять эти чертёвы раскольники? Да я еще с Елчугиным не разобрался! За чем же еще-то?

Семенов сдвинул седые брови:

– Да, определенный опыт у тебя имеется. И, несмотря на некоторые неудачи, я бы даже сказал, – хороший.

– Может, все-таки, Минху отдадите, Николай Николаевич, – робко возразил Салтыков, – Из меня, признаться честно, сыщик некудышный. Мне и без того поручений хватает в правлении. Я, вон, еще статистику за прошлый год не подвел. А Минх дольше меня работает. С этого лета, если не ошибаюсь, по раскольничьим делам курсирует.

Губернатор терпеливо выслушал чиновника и тоном, не терпящим возражений, вымолвил:

– Ну как ты не понимаешь, Мишенька! Такое дело, – шанс для тебя. Подумай хорошенько, ведь пойдет оно, обязательно, в послужной списочек. Этакая жи-и-и-рная галочка с плюсом... А что до Минха, то у него свои задачи, и не такой уж он сообразительный, как некоторые.

Салтыков надулся как сыч, а Семенов продолжил:

– Миша, ты просил меня хлопотать за свое освобождение, а сам в кусты. Нет, брат, так не пойдет. Будь любезен постараться для Государя Императора чуть больше положенного. Ведь ежели постарайшься, то и результат будет нешуточный. Дело-то серьезное.

Старик почесал залысину.

– Вдобавок к заговору, Фон-Дрейер полагает, что проклятые раскольники еще и фальшивые деньги печатают...

– Правда?

Губернатор, вместо ответа, развел руками и наиграно улыбнулся.

Черт! Вот кому было сейчас не до смеха, так это коллежскому асессору. Ну, не было ничего более утомительного и неблагодарного, чем связываться с этими разбойниками! Не-бы-ло! По крайней мере, для самого Салтыкова.

Он уже видел себя скитающимся по лесам, всяким деревням, вязнущим в грязи и лужах. А что еще хуже, – подвергающим свою жизнь опасности. Ведь чем дальше от столицы и от самой Вятки, крестьяне становились, в массе своей, более злыми и не было никакой возможности предугадать, что

у этих фанатиков и изуверов на уме, что они будут вытворять в следующую минуту, когда ты повернешься к ним спиной.

Так резонно полагал Салтыков.

– Понятно, – подытожил чиновник, а про себя подумал: я тебе еще припомню, дурак набитый.

– Вот и ладно! – хлопнул по коленке Семенов, – Решено. Отношение я сегодня подготовлю, дадим тебе письмоводителя и солдата для охраны. Так что скучно не будет. Завтра-послезавтра и поезжай. А с Дрейером ты знаком, ежели что – поможет. Это он просил прислать кого посмышленее. Так что сам понимаешь, – кроме тебя некому.

Уже в дверях Николай Николаевич окликнул Михаила:

– Ах да, чуть не забыл! Голова садовая...

Салтыков остановился.

– Вчера получил из Петербурга письмо от дочери!

– И как молодые, устроились? – грустно улыбнулся Михаил.

– Да, все у них хорошо. Машенька передает тебе сердечный привет, а Михаил Федорович еще раз благодарит за оказанную услугу.

– Пожал... ста, – кивнул Салтыков.

Семенов, потеряв интерес к подчиненному, отвернулся и, заложив руки за спину, бодро зашагал по кабинету в сторону широкого окна, фривольно насвистывая. Должно быть ма-зурку из Шопена, или что-нибудь еще, безумно перевирая ноты.

Передавая Михаилу привет от дочери, Николай Николаевич имел ввиду ее недавнюю свадьбу – Мария, эта толстозадая коровища, вышла замуж за чиновника министерства иностранных дел Бурмейстера, с которым Михаил Евграфович когда-то выпускался из одного лицея, а на церемонии бракосочетания, по причине отсутствия стоящих кандидатов, был тому свидетелем.

Счастливые люди, чтоб им пусто было, – подумал Салтыков, притворяя тяжелую дверь, – Будет ли и на моей улице праздник? Будет ли?

Прочитав донесение Сарапульского городничего и, пролистав остальные документы из папки, чиновник подумал, что ежели оно и будет, это счастье, то совсем не скоро. Да, и о переводе в другой департамент придется, скорее всего, забыть.

Накануне отъезда в Сарапул Салтыков, буквально, не мог найти себе места. То пытался лежать с закрытыми глазами, представляя себе Софью Карловну или Машеньку, непременно в прозрачных платьицах; то незабвенную Наталью Николаевну Середу, с ее округлыми формами; то начинал бегать по комнате, роняя все на пол и ругая старого Платона за то, что в доме не прибрано. Наконец, не выдержав пытки, выскочил на улицу с намерением прогуляться.

Десятый час, а на улице ни души. На небе ярко горят звезды. Странно, – думал Салтыков, задирая голову, – в середине

октября небо, обычно, затянуто тучами и звезд почти не видеть. Но сегодня, на удивление, небо чистое. Вот Большая медведица, а вот Малая... Точно так же она будет выглядеть из Сарапула...

В конце-концов, Михаил оказался возле дома своих старых знакомых – Иониных. Влекомый порочными мыслями, он проскользнул сквозь чугунную решетку ограды и, минуя вымощенную дорожку, напрямик через деревья, поспешил к особняку с белыми колоннами, что стоял посередь сада. Ему нетерпелось увидеть, пускай краешком глаза, предмет сиюминутных стремлений – Софью Карловну. В паре шагов от заветного окна он остановился.

Прошло какое-то время. И вот в комнате появилась она, – Софья! В сером домашнем платье с белыми кружевами, забранною вверх прическою, открытой шеей с ожерельем из белого жемчуга. Помнится, ожерелье ей подарил супруг на прошлое Рождество. Сам же Михаил трусливо презентовал *bien-aimé* серебряное колечко, купленное по случаю (стыдно вспоминать, денег не было).⁴

Софья Карловна села на диван и взяла в руки книжку. О, как же она была прекрасна и очаровательна! Ее грудь чуть заметно вздымалась и опускалась от ровного дыхания, глаза мягко скользили по строчкам, тонкие изящные пальцы перелистывали прочитанные страницы.

Салтыков ринулся вперед, готовый ломиться в закрытое

⁴ возлюбленной (фр).

окно, но раскрыть свое инкогнито. Он желал рассказать Софи, что опять уезжает и неизвестно когда вернется; что в качестве напутствия требует-таки ее (дружеского или сестринского) поцелуя или, ...на худой конец, простой улыбки.

Он уже взобрался ногами на какой-то пенек, подтягиваясь на руках до подоконника, как тут... в комнате появился мужчина. И это был муж Софьи – Николай Васильевич. Супруги стали о чем-то беседовать. Разговор их, поначалу спокойный и размеренный, постепенно перешел на повышенные тона. Говорили они громко, но до слуха Михаила доносились лишь отдельные фразы. Николай Васильевич яростно жестикулировал, наступая на Софью Карловну. Бедняжка поначалу кричала ему в ответ, но потеряв всякое терпение, швырнула в супруга книжкой. Закрыв лицо руками, она зарыдала, и плечи ее судорожно задергались.

Наблюдая эту картину, Салтыков почувствовал себя вором, тайком и безо всякого разрешения проникшим в чужую тайну, в которую нельзя вникать никому, даже под страхом смерти. Ведь через пару минут ссора супругов закончилась актом обоюдного примирения. И Михаил стал невольным свидетелем этого драматического и полного любовной страсти акта. Да-да! Он смотрел на все это и, что самое страшное, не мог отвести глаз. Белые юбки Софьи Карловны мелькали в воздухе, а грязные каблуки туфель Николая Васильевича истерично скреблись по паркетному полу.

В какой-то момент ноги Салтыкова соскользнули с мок-

рого пня, и Михаил с грохотом повалился на землю, ломая под собою кусты смородины. Окно, в которое он только что бессовестно подглядывал, распахнулось, и из него высунулась голова доктора с растрепанными волосами:

– Кто там?! – крикнул доктор, едва различая барахтающуюся в сырой траве и опавших листьях фигуру.

Кабинет управляющего III Отделением Дубельта

В кабинете управляющего горела одна только лампа. Генерал-лейтенант устало восседал в своем кресле, тяжело дыша. В дальнем конце кабинета, куда едва доходил свет, сидел другой господин, закинув ногу на ногу. Посередине стоял Аверкиев и докладывал.

– Труп с прострелянной головой. В Рогожском участке лежит. Сам видел. Пристав – дурак. Ничего про покойничка так и не выяснил. Беспокоится не о чем, Ваше превосходительство.

Леонтий Васильевич кашлянул. Ему, как будто, нездоровилось.

– Ну, это не вам решать, господин коллежский ассессор. На кладбище были?

– Так точно, Ваше превосходительство, был. Труп возле Никольской часовни нашли. Разговаривал с местными. Никто убийц не видал. Да, вот еще что.

Аверкиев замялся.

– Говори, – небрежно шевельнул пальцами генерал-лейтенант.

– Мельхиседека взяли. Вернее, как взяли: вместе с трупом в полицейский участок свезли, допрашивали.

Леонтий Васильевич замер.

– Через пару часов выпустили, – кивнул коллежский асессор.

Дубельт выдохнул, и принялся массировать переносицу.

– Понятно. Что еще?

– Все, – пожал плечами Аверкиев, – Остальное – мелочи.

Управляющий III Отделением из-под руки взглянул на чиновника.

– Мелочей в нашей профессии не бывает, господин коллежский асессор. Говорите, что?

– Не знаю, заметил ли кто в участке, но височки у нашего покойничка пострижены по-военному. Мне, как бывшему офицеру, сразу в глаза бросилось. Несведущий человек, или разгильдяй какой, может и не увидит вовсе, но попадись дошный следователь, – появится ниточка.

– Правда?

– Да.

Дубельт опустил ладонь на зеленый бархат стола.

– Ладно, господин Аверкиев, ступайте. Как понадобится – вызову.

Когда коллежский асессор ушел, Леонтий Васильевич опять закашлялся. Помощник управляющего, Адам Александрович Сагтынский, спокойно сидевший в дальнем конце кабинета, поднял голову. Худошавый, седой, внешне он был похож на кардинала Ришелье, такой же немногословный и загадочный.

– Слыхали? – спросил Дубельт, вытирая платочком рот, –

Височки у него особенным образом подстрижены!

– Да, Ваше превосходительство, – отвечал Сагтынский из темноты, – Упущение.

– Где вы этого Смирнова, покойничка, выкопали?

– Год назад с затонувшего транспорта Неман сняли. Сам транспорт на рифах разбился, команду расформировали, его я лично из дюжины кандидатов выбирал.

– По какому принципу?

– Ну-у, – Сагтынский замялся, – Силен был, чертяка. Кочергу в узел завязывал. Поэтому и взял.

– Морячок, значит.

– Капитан-лейтенант.

– Однако, – задумчиво произнес начальник штаба, складывая платок в карман, – Не велика птица, но человеческого обращения требует. Вы, Адам Александрович, как все закончится, проследите, чтобы с ним по-божески обошлись. Похоронили как полагается, семью, ежели таковая имеется – обеспечили.

– Сделаем-с, Ваше превосходительство, – кивнул помощник.

– А вот с Мельхиседеком этим, будь моя воля, я бы по-другому обошелся. Честное благородное. Ведь теперь получается, что это его рук дело? Так?

– Так.

– Получается, что знал, кого грабил, разбойничек.

– Он уже объявлен в розыски.

– Ну, это само собой, – кивнул Дубельт, – Но я бы предпочел, чтобы его кто-нибудь из бывших сослуживцев выследил, по вашей III-й экспедиции. Слишком много на этом мерзавце замешано.

– Так точно, Ваше превосходительство. Именно он с Белой Криницей связи налаживал.

– Вот и я о том же...

Начальник штаба поднялся из кресла и, тронув звонок, направился в сторону шкафа с одеждою. Сагтынский тоже встал.

– Подай мне, голубчик, одеться, – кивнул Леонтий Васильевич вошедшему адъютанту, – Домой пойду.

Владиславлев распахнул дверки шкафа и извлек из него генеральскую шинель, пару раз обмахнув маленькой щеточкой.

– Но чтоб не быстро ловили, окаянного. Время у нас еще есть в запасе. Пушай немного побегает. Хуже не будет.

Сагтынский кивнул в ответ, мол, постараемся.

– Сколько там, в саквояже, было?

– Много, Ваше превосходительством. На наши деньги перевести – четыреста тыщ.

Сагдынский задумался и добавил:

– Почти четыреста... Я ведь специально для этого дела Смирнова взял. Саквояж с дукатами, ох, не легонький. Пуда три весу.

– Понятно, – протянул Дубельт.

Дома Леонтия Васильевича ждали только сыновья со своими женами. В тесном семейном кругу поминали покойную Анну Николаевну. Супруга Дубельта скончалась год назад от тяжелой болезни.

Глава вторая

Конец октября 1854 года. Уездный город Сарапул

В Сарапуле погода стояла отвратительная – все та же слякоть и собачий холод. Выпавший снег сразу таял, перемежаясь с дождем. Временами с реки дул холодный пронизывающий ветер, а колокола церковей в центре города звучали как-то неприятно, с дребезжанием, словно фальшивили. И все вокруг было ненавистно и омерзительно. Возможно, приедь чиновник в другое время, все оказалось бы по-иному. Но сейчас, даже городничий заискивал перед ним и лебезил через чур рьяно, что выглядело крайне противно.

Едва устроившись в гостинице, даже не переодевшись, Михаил пал жертвой Дрейеровского гостеприимства.

Фон-Дрейер, выходец из лифляндских дворян, слыл ретивым служакой, и выставлял себя таким простым, что в отношении его поступков и помыслов невозможно было заблуждаться даже неискушенному человеку. Что уж говорить о Салтыкове, который мог читать с лица все его мысли. В такие моменты Михаил все сильнее утверждался во мнении, что Дрейер – обыкновенный дурак, и ничего больше.

Там же в номере, городничий принялся докладывать чиновнику papiers, которые осмелился опустить в секретном донесении. В собственном понимании ситуации Дрейер был не совсем уверен, поэтому предпочел докладывать лично. Например, среди писем, найденных в сумке арестованного курьера Анания, выискалось одно, написанное на странноватом языке, коего никто не в силах был разобрать.⁵

– Вроде и буквы русские, – говорил Дрейер, – а все равно непонятно. Тарабарщина какая-то...

– Ладно вам, Густав Густавич, – отвечал Салтыков, – я давно расшифровал его, к вам едучи.

Дрейер изумленно выдохнул.

– Я уже сталкивался с подобными письмами ранее, – продолжал чиновник, – Даже заочно консультировался по данному вопросу у известного специалиста. Таким образом раскольники свои письма шифруют, переставляя местами буквы в словах. На деле все очень просто. Вот, смотрите...

Михаил положил перед городничим загадочное письмо и стал объяснять, как делаются эти самые перестановки. Фон-Дрейер хмурил брови, пыжился понять, но в конце – концов махнул рукою:

– Эй, Прошка, неси-ка сюда...

В дверях появился мальчуган с подносом, за ним еще один, и вот уже стол заставлен тарелками, а посередь него – штоф водки с запотевшими гранями.

⁵ Незначительные различия (фр).

– Михаил Евграфович, без этого ну никак не разобраться, право слово! – игриво заулыбался городничий, – Заодно и отужинаете. Время-то позднее, куда вы сейчас пойдете. А у меня все готово. Вот, извольте-с.

Салтыков устало плюхнулся на стул.

– Ладно, давайте, – выдохнул он, – Составите компанию?

– С удовольствием, – городничий щелкнул пальцами, и мальчишки официанты исчезли.

– А теперь самое главное, – загадочно улыбнулся штабс-капитан, доставая из кармана аккуратно сложенную бумаженцию.

– Полюбуйтесь-ка на это.

В обрывке вощенной бумаги лежал, поблескивая в свете лампы, золотой дукат.

– Вот он, красавец, – не без гордости произнес городничий, – Что вы на это скажете?

– Лобанчик! – хмыкнул Салтыков, – Э-ка невидаль.

– Ну, может быть, у вас на Вятке таких пруд пруди, но у нас, в грешном Сарапуле наперечет. Сами смотрите.

Михаил взял дукат и приблизил к свету. Монета как монета, ничего особенного. Правда, выглядела как новенькая, без царапин и потертостей, какие бывают от долгого обращения.

– Недавно отчеканена, – произнес Салтыков вслух.

– Как пить дать. Я толк в звонкой монете знаю, уж поверьте.

– Да, новый дукат встретишь редко. Разве что в банке. Где взяли?

– У задержанного Анания Ситникова конфисковал. И ладно бы в кошельке, среди прочей мелочи обнаружился. Так нет, лежал отдельно, в потайном карманчике.

– И что из этого следует?

– Пока не знаю, вам решать, Михаил Евграфович. Скажу только, что мне удалось выяснить по поводу этой денежки.

Фон Дрейер приблизился к чиновнику и прошептал:

– У нас отчеканена, в России-матушке.

– Санкт-Петербург, Монетный двор Его Величества?

– Точнее не куда.

– Секрет, о котором знают все! – рассмеялся Салтыков, – С Петровских времен чеканим голландское золото.

Городничий отстранился от чиновника и обиженно про-
бормотал:

– А что, ежели разбойник, этот дукат с завода слямзил, поэтому он такой новенький?

– Да-а, – подхватил чиновник, – или со складов Петропавловской крепости...

А и правда! – подумал Салтыков, – Чем черт не шутит. Факт хищения исключать нельзя.

– Знаете что, Густав Густавич, – серьезно сказал Михаил, – Одолжите-ка мне его... для следствия.

Городничий недоуменно вскинул брови.

– Пожалуй, нет. Я его у вас куплю. Вы, надеюсь, не указали

его в описи? Какой нынче курс? Два с полтиной?

Городничий задумчиво кивнул.

– Вот и ладненько.

Салтыков подкинул монету в ладони, поймал ее, и быстро отправил в нагрудный карман.

– Я с вами позже расплачусь.

– Как скажете.

Фон-Дрейер потянулся за бутылкой и наполнил рюмки.

В процессе дальнейшей трапезы повеселевший чиновник расспрашивал городничего, памятуя о семейном положении оного:

– Ну, как супруга ваша, как дети малые?

– Спасибо, Михаил Евграфович, волей Божею.

– Сами как?

– А что мне старику дается! Пока дождей не было – дорогами занимался. Теперь, вот, за пожарную команду борюсь, чтобы на постоянной основе, а не от случая к случаю... Еще для нужд окружного суда здание реконструируем на Вознесенской площади. Да вы об этом знаете.

– Ну а как, к примеру, взгляды ваши ...либеральные? Сильно изменились со времен последнего моего визита к вам?

– Шутить изволите? – Дрейер чуть не поперхнулся куском зайчатины, – Не понимаю я ваших намеков, Махаил Евграфович. Извольте для нас, обывателей, попроще изъясняться.

– А что тут не понятного? – усмехнулся Салтыков, доволь-

ствуясь произведенным замешательством.

– Да то, что все мои ошибки молодеческие давно уже в прошлом! Да вы, наверное, и сами знаете. ... Но с чего вы спрашиваете?

Салтыков пристально посмотрел в глаза городничему и, изменившись в настроении, сказал, отложив вилку с нанизанным фрикасе:

– Да черт с вами, Густав Густавич. Я и сам ошибки совершал по молодости лет. Тоже, представьте, восхищался францушишками со всеми ихними революциями, оказавшимися на поверку результатами очередной бубонной чумы, неурожаем зерновых, или, скажем, обнищанием церкви. По наивности своей и незнанию восхищался западным устройством жизни. Как у них там все рационально и продуманно устроено, в отличие от нашего ...бетламса.⁶

Растерявшийся от такого поворота Дрейер аккуратно приложился салфеткой к губам и отложил приборы, вопросительно глядя на Салтыкова.

– А сейчас что?! – продолжал со злостью чиновник, – Нахватался ума. Вижу, насколько лицемерна в своих действиях Европа, будь она проклята. Противодействую Бонопарту, воюю за Палестину, искореняю ересь во славу Государя императора... Хотя сам этим императором и наказан.

Городничий часто заморгал ресницами и судорожно

⁶ Сокр. от названия Бетлемской королевской психиатрической больницы в Лондоне.

сглотнул, озираясь по сторонам, словно проверяя, не подслушивает ли кто.

– И только Богу известно, сколько мне еще предстоит бороться не только за себя, но и за вас, дорогой мой Густав Густавич. И вообще, за всех...

Только теперь Салтыков поднес вилку ко рту, медленно снял зубами мясо и, методично пережевывая, продолжил, не отводя глаз от Дрейера:

– А вы, случайно, не масон?

Дрейер остановил занесенную к бутылке руку. В его глазах повторно читалось недоумение. Крайнее недоумение.

– Больно уж много по всей Вятской губернии Дрейеров рассеяно, вы не находите? И все на ответственных постах, – продолжал наступать Салтыков.

Городничий начал снимать с груди салфетку, привставая со стула. Ну, это уж слишком!

– Если бы я был масоном, любезный Михаил Евграфович, – медленно багровея лицом отвечал он, – то не ходил бы до сей поры в штабс-капитанах.

– Но в этом ли причина вашего откровенного невезения?

Дрейер окончательно выпрямился и стоял по стойке смирно. С минуту губернский чиновник смотрел на городничего снизу – вверх. И только тут заметил на краешке его мундира маленькую, аккуратно заштопанную серыми нитками дырочку. Заплата была так мастерски выполнена, что едва различима.

– Моя беда в том, что я честно служу Отечеству... Возможно, через чур честно, – отчеканил Дрейер, продолжая стоять не шелохнувшись.

Салтыков прекратил жевать и, облизывая жирные губы, стал взглядом искать по столу оставленные документы. Найдя заветную папку, воскликнул: «Ах, вот же она!» и, порывшись в ней, извлек секретный рапорт. Затем, держа его перед собою, произнес:

– Ваша честность, господин городничий, весьма хлопотное дело. И чем оно закончится – неизвестно. И что этот Ситников, он же Ананий, – «весьма важное лицо в расколе», – это вы сами решили, да? На основании чего? Непонятного письма, которое по зубам расшифровать последнему гимназисту? А может, вы его сами написали, левой рукою? Заскучали, и решили что-нибудь этакое выдумать? Раздуть из нимельчайшей пустяковины вселенский заговор?

Тут Салтыков сбавил тон, и произнес:

– Ведь я уже не первый раз у вас в городе, Густав Густавич! Ну что я вам плохого сделал, а? Обидел чем-то? Или плохо отозвался в ревизиях? В чем проблема, дорогой мой? ...Ну, сидел бы я сейчас в Вятке, отдыхал от трудов праведных, а тут, представляете, – оказия. Вы не подумали, какая сейчас из-за вашего рапорта круговерть подымется?

Городничий горестно вздохнул и опустил голову.

– Ладно, – отступил Салтыков, отодвигая от себя недоеденное блюдо, – Давайте-ка завтра с допросами, на свежую

голову...

– Так точно-с, – сухо ответил Дрейер и пошел прочь.

Почему городничий не осмелился возражать, Салтыков знал наверняка, поэтому не стеснялся в выражениях. Дело в том, что в прошлое свое посещение Сарапула в качестве проверяющего, губернский чиновник обнаружил небольшое, так сказать, разночтение, в делах винного пристава Владимирского. Не знамо почему, но за последнего вступился сам городничий и убедительно просил не давать делу огласки. Уж как он сумел убедить проверяющего – не имеет значения. Остался, однако, должен.

Поднявшись из-за стола, Салтыков добрал до кровати и рухнул на нее лицом вниз, тут же уснув без зазрений совести. На душевные терзания Фон-Дрейера ему было плевать. Точно так же, как и на все остальное.

Да пошли они к черту!

Придя домой, Густав Густавич украдкой пробрался в столовую, извлек из буфета графинчик, и присел за стол. Он был крайне расстроен нападками губернского чиновника, и оскорблен до глубины души. Оттого ему захотелось выпить и завершить с оппонентом незаконченный, как ему представлялось, диалог.

«Да что вы обо мне знаете, коллежский асессор! – говорил воображаемому визави городничий, – Вы еще в нежном возрасте пребывали, а я уже военную карьеру заканчи-

вал. Из рядовых, можно сказать, выбился. И единственный смысл, который я для себя тогда вывел: служить дорогому Отечеству. И служил, представляете? Многие лета служил и получал поощрения... А вот у вас, господин Салтыков, награды имеются? Нет наград? Так что ж вы от меня требуете? Чтобы я вам кланялся? Чтобы сознался в каких-то там ошибках юности? А не дождетесь! Потому как не было этих ошибок, Михаил Евграфович. Ну, разве ж это ошибка: сказать в лицо командиру полка, что он подлец? Нет, не ошибка это, господин хороший, а нравственное убеждение! Но вам ли знать о существовании такого понятия. Лично вы, скольких товарищей предали и открестились от них, по собственному малодушию, а? Молчите. Сказать вам нечего. То-то же. И не надо передо мною бумажкой размахивать, петрашевец деланный. Думаете, я не знаю, за какие грехи вы сюда сосланы...»

В дальнем конце коридора мелькнул огонек и послышались шаркающие шаги. Матушка! – восторженно вскрикнул Дрейер, пряча меж колен хрустальный графинчик. В дверях появилась семидесятилетняя Гертруда Марковна: в ночном халате и мятом чепчике.

– Явился, – сказала матушка, поднимая над головою свечу.

– Да, – прошептал городничий, заслоняя рукой налитую рюмку.

– Да не прячь ты уже. Пей.

Гертруда Марковна поставила свечу перед Густавом, прошла к буфету, и достала из среднего ящика баночку с каплями.

– Забыла принять. Ох, опять сердечко пошаливает.

– Что ты, матушка. Вечером, наверное, понервничала, вот и пошаливает. Надо было почитать на ночь Слово Божие.

Гертруда Марковна вздохнула.

– Читала, да толку-то. Все за тебя, Густав, переживаю. Вот, например, чиновник, что прикатил. Настолько ли строг? Не придирается ли? Да много ли денег требует?

– Ах, ты об этом...

Старуха присела рядышком.

– Ведь недавно ревизор был. Ты ему тыщу рублей поднес. И вот, опять. Чего им всем надо-то?!

– Это другой, матушка. Он взяток не берет. Порядошный, – последнее слово Фон-Дрейер произнес с издевкою.

– Не может быть! – безапелляционно произнесла Гертруда, – Все берут, иначе жить на что?

– Я не беру, – потупился городничий, разглядывая на пальце наградной перстень.

– Дурак, – матушка ткнула Густава в бок, – Поэтому живем в долг. И всякий заезжий болван пользуется твоей мягкотелостью. А все потому, что не знаешь ты себе цену, дорогой мой. Вот назначил бы таксу, каждый и знал, что городничий Густав Густавич человек серьезный.

– Да не умею я взятки брать. Даже не знаю, какие суммы

и по каким случаям требовать. А вдруг, запрошу больше, чем следует? Так меня и посадят в тюрьму ...по доносу. Али меньше? Тогда какой смысл репутацию пачкать. Взятка – вопрос тонкой организации. На нее нюх нужен. Ну, не создан я для этого.

– Вот – вот, – покачала головой мать, – Сам и создаешь проблемы. На доходном, можно сказать, месте.

– Согласен, матушка.

Фон-Дрейер, наконец-таки, опрокинул рюмку и, задержав дыхание, выждал какое-то время.

Матушка, сидевшая рядом, грустно смотрела на него, держа на коленях руки. В ее взгляде читалось сочувствие и глубокое материнское сострадание к непутевому отпрыску. В это же время сухие пальцы ее левой руки, похожей на куриную лапку, сжимали пузырек с сердечными каплями, правой – перебирали тяжелые складки халата и подрагивали.

– Возьми арестованного Анания, – сказал ей Густав, словно оправдываясь, – Он, ведь, мне денег сулил. Еще во время обыска.

Гертруда Марковна, будто очнувшись, воскликнула:

– Так взял бы!

– Признаться, я иногда так думаю. Вот, взял бы, глядишь, и не было этой неприятной истории с заговором. Я бы даже не знал о нем.

– Видишь! А я что говорю!

Городничий хмыкнул и покачал головой.

– Поздно. Сейчас открылись многие обстоятельства, от которых не отвертеться... Опять же – чиновник из Вятки приехал. Наорал на меня. Обвинил в том, что я сам этот заговор выдумал.

Старуха отставила пузырек в сторону, решительно встала и положила руки на плечи сыну.

– С другой стороны, – продолжал рассуждать городничий, глядя на мать снизу вверх, – Что ежели и вправду – заговор? И Государя хотят убить. Ведь я, получается, спасу его от верной гибели. Все благодаря моей бдительности, а главное – неподкупности. Вот что вы тогда скажете, а?

Гертруда Марковна пригладила сыну на голове редкие седые волосы.

– Гордиться мною будете – вот что! – выдохнул Густав.

– Ну, дай Бог, – матушка поцеловала Густава в лоб и пошла к себе в спальню, позабыв сердечные капли на столике.

А Сарапульское дознание пришлось начать заново. Салтыков начал тем, что для острастки и пользы дела поднял всю вертикаль земской полиции. Затребовал дополнительные сведения о надзоре за старообрядцами от исправника Алексеенко. Трех станowych – Мышкина, Назарьева и Тукмачева опросил дополнительно, потребовав предоставить списки всех подозрительных личностей по каждому стану. Сотских обязал ежедневно отчитываться о сношении лиц, уличенных в неблагонадежности, десятских же – выстроил

в шеренгу и чуть не каждому приставил кулак к носу и про-рычал «ужо я вам!». А вот со следственным приставом Радзишевским побеседовал тет-а-тет без посторонних, после чего тот бывал у Салтыкова чуть ли не ежедневно и при закрытых дверях. Свои методы имелись у следователя Салтыкова. Людей толковых привечал и способствовал, а вот лентяев и тугодумов разносил в пух и прах без стеснения. Был случай, когда в одного такого чернильницей запустил. Хорошо в голову не попал, иначе зашиб бы насмерть.

Так вот, изучив суть, Салтыков принялся за работу. В течение месяца допрашивал арестованных Дрейером раскольников поочередно – то Смагина, то Ситникова. Сводил их вместе, страшал, убеждал в бесполезности упорствования; в другое же время умасливал, проникался обстоятельствами, симпатизировал. И главное: из многочисленных объяснений разбойников чиновник постепенно, от беседы к беседе, уяснял для себя, в чем же могла заключаться суть так называемого заговора против Государя императора? Ежели имелись ввиду Донские казаки, то бишь – некрасовцы, то вся их подковерная деятельность сводилась к тому, чтобы усадить в Белой Кринице собственного старообрядческого митрополита, а затем принять в свои ряды несметное количество крестьян-переселенцев из центральной России, имеющих религиозные расхождения с официальной церковью. Однако же, вновьприбывшие в Криницу раскольники никакой политической вражды к бывшему Отечеству не питали. Скорее, на-

оборот. Никакая польско-османская агитация не могла заставить старообрядцев встать с оружием в руках против Российской империи на стороне бусурман.

Хотя, из любого правила всегда можно сделать исключение и найти одного-двух негодяев, которые испортят тебе всю картину маслом. Например, стать курьером по переправке из какой-нибудь Добруджи фальшивых ассигнаций для подрыва экономики страны собственной. А это явная и неоспоримая связь с небезызвестным Саид-пашой, который, в свою очередь, именовался чуть ли не врагом номер один для государя Николая Павловича. И только в таком варианте событий, при определенной фантазии, можно было бы усмотреть заговор.

Но печатный станок, в таком случае, отпадал. Фальшивые ассигнации печатались бы в Турции. Это и большой тираж, и хорошее качество, и относительно дешево. К тому же, не надо постоянно бояться, что тебя вот-вот накроет жандармерия.

Дальше. На кого можно было бы возложить обязанности по переброске фальшивок? Да на кого угодно! На того же Анания Ситникова, к примеру. Родившись в старообрядческой семье поповского согласия, а после второго брака числясь принадлежащим к официальному православию, часто отлучался он по заводским делам в другие губернии и, как оказалось, продолжал заниматься делами раскольников. После увольнения с завода, странствуя по разным местам, —

из города в город, от одного скита в другой, – он вполне мог исполнять обязанности курьера. А почему бы и нет? Ведь закупал же он книги, иконы, прочую утварь, исполнял всевозможные поручения.

Что же касается Тимофея Смагина, то сидел он на своем месте ровно, и на курьерскую беготню не разменивался. Постепенно выяснялось, что мещанин-старообрядец Смагин, в прошлом – зажиточный купец, промышлявший торговлей мясом и хлебом, а ныне действующий лишь по поручениям пермского купца Любимова, предоставлял дом свой не только для ночлега всевозможных переселенцев-раскольников, а сидел на пересечении своеобразной паутины. Паутины, по которой общались и переписывались старообрядцы Москвы, Петербурга, всего Поволжья, Киева, Кавказа, Болгарии и даже Турции.

Вот вам и исполнитель и координатор всего этого безобразия. Но были и еще участники. Кроме указаний местоположения раскольничьих обителей, чиновник добился от арестованных еще с десятков имен и фамилий, которые необходимо было проверить.

Чего Салтыков не смог пока выяснить, так это каким образом в вещах у Ситникова оказался золотой дукат? Разбойник отвечал неохотно, юлил, и озвученная им версия выглядела неправдоподобной. Салтыков не стал дожимать старика, оставляя одного в сырой и холодной камере, – пушай помучается.

Санкт-Петербург.

В министерских приемных

– Ну, как ваша матушка? – поинтересовался Дмитрий Гаврилович Бибииков у вошедшего в кабинет Аверкиева.

– Полегчало, но не сильно, Ваше высокопревосходительство.

Прошное свое отсутствие на службе коллежский асессор выдал за очередное обострение у матери Ольги Петровны. Старуха страдала брыжейными связками.

– Замечательно, – сказал министр, – А у меня для вас поручение.

– С превеликим удовольствием.

Генерал от инфантерии протянул чиновнику готовое предписание.

– Надобно в Вятку съездить. В канцелярию местного губернатора. Там у них и заговор против Государя императора и фальшивые ассигнации... Так что посмотрите документы, оцените их значимость, произведете выемку. Потом ко мне с бумагами. Может, дело выеденного яйца не стоит.

– Слушаюсь, Ваше высокопревосходительство, – отчеканил чиновник, – Какие-то особые пожелания?

Герой Бородина вскинул седые брови.

– Привезете бумаги – там видно будет. Пока все что я знаю, это бравурные рапорты губернатора Семенова.

Но можно ли верить написанному? Кстати, ежели будет такая возможность, разузнайте побольше о следователе, которому сие дело поручено. Опять же: уж больно хвалебно о нем губернатор отзывается. А я такие patronage не приветствую.⁷

Спустя непродолжительное время коллежский асессор Аверкиев сидел в кабинете другого ведомства.

– Значит, в Вятку едите? – спрашивал Сагтынский.

– Совершенно верно, ваше превосходительство. От канцелярии начальника Вятской губернии командирован в Сарапул некий Салтыков для следствия по делу старообрядцев. Что-то там такое нашли, и теперь думают, что раскольники к заговору и печатанию фальшивых денег причастны. Его высокопревосходительство господин министр бумаги по делу затребовал, секретным образом.

– Поэтому вы от Леонтия Васильевича аудиенции просите, вопреки правилам.

– Я подумал, что это как-то связано с моей недавней поездкой на Рогожское кладбище, поэтому осмелился напрямую.

– Странные вы делаете выводы.

– Ничего странного.

Адам Александрович презрительно хмыкнул. Хоть коллежский асессор и радел за службу, но как человек, как личность, он ему никогда не нравился. В глазах тайного советника Аверкиев выглядел крысой, которая и сейчас пришла,

⁷ покровительство (фр).

потому что ей требовалось денег (по долгу службы Сагтынскому приходилось сталкиваться со многими тварями).

– Хорошо. Подождите здесь. Я доложу Его превосходительству. Не знаю, примет ли.

Леонтий Васильевич внимательно выслушал старшего помощника.

– Так я скажу, что вы заняты? Скажу, чтоб впредь являлся только по вызову? Ему, ведь, деньги нужны, вот и выдумывает всякие глупости.

– Зачем ему деньги? Мы ему недавно платили.

– Говорит, на лечение матушки.

– Подождите, Адам Александрович.

Дубельт отодвинул кресло и встал. От долгой сидячей работы все чресла его затекли, а уставшее тело требовало разминки.

– Не торопи старика, дай подумать, – полушутя произнес генерал-лейтенант.

Адам Александрович Сагтынский был, честно говоря, на несколько лет старше Дубельта. Польский шляхтич, повидавший и войну и плен, сделавший блестящую карьеру он, тем не менее, чуть склонив голову, тактично отступил в сторону, давая дорогу начальнику.

– Салтыков в эту Вятку за вольнодумства отправлен, – рассуждал Леонтий Васильевич, – Я сам бумаги подписывал. И как бы там ни было, хоть и молод он, но не испорчен окончательно. Вы знаете, Адам Александрович, что молодые

люди, подобные этому, благодатный материал, из которого можно лепить что тебе вздумается.

– Не понимаю, о чем вы.

– А я о том, что негоже Его Величеству светится в финансовой помощи Балканским союзникам. Зачем кому-то знать, что на государевы денежки приобретается оружие для православных наших братьев или подкупаются высокопоставленные люди во враждебных кабинетах? Восток – дело тонкое, а турки, как вам известно, союзники не надежные. Взять, хоть, недавний пример. Помните, кому они ключи от церкви Рождества Христова выдали? Тому, кто денег больше предложил. То-то же!

Вернувшись к своему креслу, Дубельт остановился.

– И возвращаясь к Салтыкову. Нельзя ли нам его в собственных целях использовать?! Пускай коллежский асессор сие дело спокойно расследует! И пусть выяснит, и пусть расстрезвонит на всю Ивановскую, что Белой Кринице помогают своими деньгами старообрядцы-раскольники!

– Они и так помогают, – кивнул Сагтынский.

– Это мы с вами знаем, но не широкая публика. А нам необходимо создать *résonance*. Понимаете? Пусть все уверуют, что раскольники эти радеют для собственной выгоды. Ведь у кого ключи от церкви, тот и главный. Разве нет? ⁸

Генерал Сагтынский неопределенно хмыкнул, мол, все понятно, но... Можно ли доверять либералу? Пусть молодого

⁸ резонанс (фр).

му, сопливному юнцу, но уже явно испорченному этой ползучей заразой.

Леонтий Васильевич, не обращая внимания на нерасторопность помощника, продолжал:

– Мы же в ближайшие год-два с ними справимся, с раскольниками? Ну, вот. На том и концы в воду. А Салтыков, добрая душа, пусть работает в заданном направлении – сочините для него официальное предписание со всеми, так сказать, вытекающими.

– Так мне позвать Аверкиева? – спросил Сагтынский через минуту.

– Нет, – отрезал генерал-лейтенант, восседая в кресле, – Пусть едет в Вятку по поручению Бибикова. Мы к Салтыкову другого человека пошлем. Тут дело такое, что еще одного Мельхиседека заиметь – совсем не хочется. Вы, Адам Александрович, посмотрите у себя в картотеке: нет ли у вас какого-нибудь агента в Сарапуле?

Итак, для проверки показаний арестованных раскольников потребовались дальнейшие обыски, которые Салтыков и производил совместно с городничим Фон-Дрейером. Ради истины надо сказать, что поначалу чиновник пытался сплавить сие дело штабс-капитану, но в процессе работы так проникся к нему, что в конце концов махнул рукою и впрягся в расследование всеми силами.

Дополнительным стимулом к работе послужило и подо-

спевшее известие, что сам министр Бибииков, на основании первых отчетов чиновника, признал Салтыкова «заслуживающим полного доверия», хотя не знал Михаила лично. «Не иначе, как наш губернатор Семенов постарался выставить мое усердие в наивыгодном свете», – не без довольства думал Салтыков и был абсолютно прав.

Поссорившиеся вначале господа потихоньку примирились и, как в таких случаях водится, Салтыков был приглашен к Фон-Дрейеру на обед. В ходе непринужденного общения в теплом семейном кругу, Михаил открыл для себя новые черты и привязанности ретивого градоначальника.

Прежде, с семейством Дрейера Салтыков был знаком понаслышке. Теперь же увидел их всех воочию. Супругу Софью Александровну, детей Александра и Аделаиду 6-ти и 4-х лет соответственно. Они даже разыграли перед гостем сценку из Евангелия, причем, с большим успехом, в которой мальчик играл одного из волхвов, а девочка младенца-Иисуса в люльке. Напоследок хозяин дома за чашкой кофья рассказал Салтыкову забавную и весьма поучительную историю, приключившуюся с ним не так давно, во время известных пожаров в Сарапуле. Салтыков был вкратце знаком с ней и раньше, но сейчас с удовольствием выслушал от первого лица во всех подробностях...

– А Зылев как схватил меня за грудки, – живописно представлял Густав Густавич, – так в огонь и поволок. Ну, думаю, все, конец мне, вот и смертушка. И помощи-то ждать неот-

куда, кругом разбойники эти, треклятые.

– Ну, и...? – не сдерживая смеха, вопрошал Салтыков.

– Бог свидетель, видать нужен я еще кому-то на этом свете. Послал мне Бог заступника в лице бывшего нашего градоначальника Федора Михалыча Гутовского. Уж откуда взялся он, мне не ведомо. Но как вышел он, как выхватил из ножен саблю свою, как взмахнул клинком, да как гаркнул зычным голосом: «А ну, разбойники, подходи, кому жизнь не мила, изрублю на мелкую фракцию! Руки прочь от городничего!» Тут все разбойники опешили, а у Зылева-душегуба хватка ослабла и он меня выпустил. А я стою, как истукан, не знаю что и делать дальше. А Гутовский говорит мне шопотом: «Идика-ты отсюда, Густав, потихонечку, а я как-нибудь решу это дело по-своему».

– Ну, и...?

– Так я сразу к заседателю и побег! Полномочия передал и домой, раны зализывать.

– А Гутовский что?

– Ну, пришлось ему еще своею саблею помахать для острастки, после чего все и разбежались...

Напоследок, Густав Густавич в тех же красках описал, как толпа мужиков разгромила его сарай с каретами, в отместку за неудавшееся покушение. Хотя этот эпизод, по мнению городничего, повлек за собой более тяжкие последствия для него лично, так как потребовал изрядных финансовых затруднений: пришлось покупать и новых лошадей и коляску

с выездами.

Посмеявшись еще, господа распрощались в добром расположении духа.

Определенно, есть в моей службе хорошие стороны, – думал Салтыков, возвращаясь в гостиницу. Хотя городничий этот, как его не облизывай – похож на облезлую курицу.

Следующим вечером, что-то около восьми, Салтыков вновь появился в доме Фон-Дрейера. Раздевшись и проходя в комнаты, чиновник радостно потирал ладони, обращаясь к хозяину:

– А давайте-ка, Густав Густавич, мы с вами планчик опробуем. Секретный планчик, чтоб ни одна живая душа не проведала.

Городничий утвердительно кивнул, откладывая в сторону газету с кричащим заголовком крупными буквами: «ИН-КЕРМАНСКОЕ СРАЖЕНИЕ»:

– Давайте, Михал Евграфыч. Проще пареной репы. Я ведь и Ситникова таким манером словил, ежели помните. Агенты у меня есть, Радзишевского привлечем.

– Я уже привлек, – заулыбался Салтыков, присаживаясь к столу.

– Так вы уже начали? Без меня?

– Можно и так сказать. Осталось уточнить детали.

– И в чем же будет заключаться сей план?

– А вы налейте для начала рюмочку, господин городни-

чий, я тот час и поделюсь с вами.

– Извольте, – Дрейер налил Салтыкову водки из хрустального графинчика и поставил рядом, закрыв графин крышечкой.

Выбрав чем закусить, Салтыков взял в одну руку вилку с закуской, в другую – налитую рюмку, и бодро произнес:

– Ваше здоровье, незабвенный Густав Густавич!

– Ваше здоровье! – поднял рюмку городничий.

Господа выпили, и Салтыков тут же набросился на еду, одновременно излагая план.

– Но как мы будем уверены, что получится? – спрашивал городничий, глядя как коллежский асессор налегает на рябчика.

– Ну, недаром же я свой, то есть – ваш, хлеб кушаю, Густав Густавич. Вот вы не знаете, а я кой-какую предварительную работу ужу проделал. Вы про агента говорили, а у меня свой агент.

– Неужели? – ковыряясь в тарелке вопрошал смущенный городничий.

– Представьте себе. И этот агент, назовем его «N», был подослан мною в известное вам раскольничье логово с интересным письмецом, якобы от другого известного раскольника, назовем его «Z».

– О чем же письмо?

– Я позволил себе немного пофантазировать, и выдумал коммерческое предложение об организации торгового пред-

приятия лесом, хлебом, ну и всем тем, чем эти купцы-старобрядцы занимаются. Но это для затравки, так сказать, чтобы привлечь внимание. Самое же главное: для проверки правильности моей теории заговора, или опровержения оной, как вам будет угодно, я решил сподвигнуть их на необдуманные действия. В том же письме предложил заняться печатанием фальшивых ассигнаций с клише, изготовленных новым способом... Гальваника! Слыхали про такое? Нет? Недавнее изобретение.

Фон-Дрейер почесал затылок и произнес:

– Нет, пустое, не согласятся они. По старинке действуют. И что означает это ваше: «моя теория заговора»? Разве не я вам...

– Моя теория заключается в том, что никакого станка для печатания бумажных денег ни в Сарапуле, ни в каком другом городе, нету! Станок в Турции! И ассигнации печатаются там же.

– Вот даже как! – подхватил Дрейер.

– Да. Хотя это вовсе не означает, что заговора, как такового, не существует.

– Все равно не согласятся, – пробурчал штабс-капитан.

– Да и не надо! – воскликнул Салтыков, не замечая кислую мину на лице городничего, – Главное, что в назначенное время в одном месте соберутся, чтоб совет держать. Тут-то мы и накроем всю компанию. А дальше наша задача будет заключаться в том, чтобы выбить из них показания. Кто-ни-

будь да расколется. Ловко, а?

– Ловко. Как я сам не додумался.

– Не печальтесь, Густав Густавич. Лавры пополам разделим, эка невидаль.

– Ну, а как препираться начнут?

– Так агент-то на что! Он на сходке присутствовать будет, а на допросе, как свидетель, все их тайные совещания выложит. И еще: для придания большей правдоподобности, перед раскольниками мы его разоблачать не будем, а представим так, будто он вместе с ними под суд пойдет.

– Ловко, ловко, Михаил Евграфович... И сколько ваш агент за услуги требует?

– Триста рублей, Густав Густавич! Сущие мелочи по сравнению с предполагаемыми результатами. Вам платить, кстати.

– Помилуйте! – городничий развел руками, – Таких денег у меня нет.

– И у меня нет, я командированный.

Фон-Дрейер почесал затылок.

– Ладно. Завтра что-нибудь придумаю. На худой конец можно городского голову потряхнуть.

– Тогда еще по одной? – заключил Салтыков и налил обоем, – Бог нам в помощь.

– Так вы же в Бога не верите!

– Ради победы – уверую! – парировал Салтыков, – Чудеса не всегда зависят от религии.

– А отчего же?

– От человеческого усердия и благоприятного стечения, господин городничий.

– Тогда, давайте.

Чиновники выпили, после чего Салтыков громко и торжественно произнес:

– Ну так что, Густав Густавич, я завтра уезжаю!

– Так уезжайте, Михаил Евграфович! Скатертью дорога!

На следующий день, после полудня, в присутствии всего уездного начальства и подчиненных, Салтыков с помпой сел в повозку и укатил в неизвестном направлении.

Городничий Дрейер демонстративно перекрестил чиновника в спину и сказал, обращаясь к городскому голове Ехлакову, стоявшему рядом:

– Ну, слава-те Господи, спровадили ирода.

Купеческий сын Алексей Михайлович, исправляющий должность головы, хитро прищурился и спросил городничего:

– Небось, много кровушки выпил, а, Густав Густавич?

– Знамо дело, – ответил Дрейер, – Еще больше харчей извел. Каждый день у меня столовался, ненасыть.

– Да-а-а-а, – протянул Ехлаков, – еще и умаслить пришлось. Сказали бы раньше, мы бы всей конторой по рублику скинулись, а так в последний момент из своего кармана пришлось выкладывать.

– А вы, никак, денег жалеете, Ляксе́й Михалыч?

– Да не то чтобы..., Густав Густавич. Спонтанно как-то все вышло, неожиданно.

– Деньги ваши на благое дело пошли.

Тут городничий подхватил Ехлакова под руку и доверительно прошептал:

– Больше дадим – дольше не приедет и дела наши в благоприятном свете в губернии выставит. Тем более, что все дела у него здесь закончились, а в соседних волостях еще пруд пруди. ...Только, тс-с-с-с!

Ехлаков понимающе кивнул и тихо-тихо отошел в сторону. Городничий же, дождавшись, когда купчина исчезнет во все, достал из кармана остатки денег и быстренько пересчитал. Закончив подсчет, довольно кашлянул, и пошел обратно в Правление.

План удался. Отъехавши верст пятнадцать от Сарапула, Салтыков ночевал в заранее подготовленном приставом Радзишевским месте – в доме тестя Станислава Осиповича. Возвратясь тайно следующей ночью, чиновник взял на себя командование и господа следователи накрыли всю шайку разом. Зная, что обыскивать придется три дома одновременно, Салтыков еще накануне подготовил для этого три группы. Первая группа, во главе с городничим, в отсутствие хозяев действовала в доме отца и сына Ивана Дементьевича и Михаила Колчиных; вторая, возглавляемая уездным стряпчим Анисимовым – в доме Александра Гавриловича Колчина; сам Михаил учинял обыск в доме вдовы Пелагеи Алексеев-

ны, у которой и назначена была сходка. Кстати, там же обнаружили и проживающую на тот момент Екатерину – двоюродную сестру Смагина.

Задержанных оказалось так много, что пришлось препроводить их в здание земского суда и оставить там под охраною полицейских чинов. Разбирались с ними всю следующую неделю и много чего узнали. Узнали-то много, но лишь парочка интересных фактов укладывалась в рамки расследования о вселенском заговоре и фальшивомонетчестве.

Во-первых, в числе конфискованных по домам икон, листовок, бумаг и писем особый интерес чиновника Салтыкова вызывали лишь расписки Санкт-Петербургского почтамта на весьма кругленькую сумму в размере пяти тысяч рублей серебром от купца Колчина. Все – на имя Тимофея Смагина. Расписки, с определенной натяжкой, можно было бы отнести к предполагаемому заговору, предположив, что указанная сумма предназначалась для передачи третьему лицу. Но это ежели отместить объяснения самого Смагина об их назначении.

Во-вторых, несмотря на прошлогоднее истребление по лесам раскольничьих обитателей что в Пермской, что в Нижегородской губерниях, – сохранились некоторые из них в целости и поныне. Задержанные давали показания о расположении скитов и кто в них управляется. Среди названных имен промелькнула некая матушка-настоятельница Тарсилла, – в миру Наталья Леонтьевна Мокеева, – заинтересовав-

шая чиновника своим происхождением. Мокеева оказалась Донской казачкой, уроженкою станицы Есауловской, что уже наводило на мысли о ее связях с так называемыми «некрасовцами». Вот бы найти ее, – подумал Салтыков, и решил в очередной раз поговорить с Ситниковым.

– Ну, здравствуй, Ананий, – сказал Салтыков, шагнув в отворенную камеру.

За пару месяцев, что Ананий Ситников просидел в Сарapulьской тюрьме, он исхудал, его лицо стало серым и осунулось, прибавилось так же морщин. Борода и волосы отросли, арестантская одежда поистрепалась. Даже ростом он выглядел будто бы меньше.

– Скучал без меня? – чиновник дал знак надзирателю, чтобы принес стул.

Арестант прищурился, приглядываясь, потом свесил с лезжанки ноги и принял вертикальное положение.

– Как же, – буркнул старик, – по вам соскучишься.

Салтыков поставил поданный стул и сел на него, прежде смахнув невидимую пыль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.